

Лидия Евгеньевна Фетисова¹
fetisova.lidie@yandex.ru

СКАЗОЧНЫЙ ФОЛЬКЛОР ЮКАГИРОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Статья посвящена анализу сказочного фольклора юкагиров. В качестве примеров этнокультурной самобытности юкагирских нарративов рассмотрены такие специфические реалии, как особенности жизненного уклада и поведения сказочных героев, сформированные природными и этносоциальными условиями Северной Пацифики. Отмечены оригинальность и разнообразие образцов животного эпоса. Среди зооморфных персонажей заметно выделяются Заяц, Росомаха и большое число рыб. Причём Заяц по своим характеристикам сопоставим с образом хитрой Лисы и даже оттесняет её на второй план. Специальное внимание уделено сказкам о глупцах как явлению народной смеховой культуры. Сатирическая направленность также свойственна оригинальным текстам с участием нетипичных персонажей, не имеющих зоо- или антропоморфной природы. Отмечена этническая специфика сказок позднего происхождения о притесняемых членах семьи и рода. Анализ сюжетов, мотивов и образов позволил выявить жизнеспособность базовой части аборигенного фольклора. Наряду с оригинальными текстами были рассмотрены свидетельства инокультурного влияния, прежде всего со стороны тунгусо-маньчжурских народов. Выявлены сюжеты, имеющие прямые параллели в устном творчестве нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев. Это направление культурных контактов впервые представлено столь подробно. Отмечено, что поведение действующих лиц и его оценка рассказчиком определялись особенностями художественного мышления юкагиров, что вносило коррективу в восприятие заимствованного контента.

Ключевые слова: Северная Пацифика, юкагиры, сказочный эпос, основные сюжеты и образы, иноэтнические заимствования.

Lydia E. Fetisova¹
fetisova.lidie@yandex.ru

THE FAIRY-TALE FOLKLORE OF THE YUKAGHIRS IN A COMPARATIVE ASPECT

The article is devoted to the analysis of the fairy-tale folklore of the Yukaghirs. As examples of the ethnocultural identity of the Yukaghir narratives, such specific realities as the peculiarities of the mode of life and behavior of fairy-tale characters, formed by the natural and ethno-social conditions of Northern Pacifica, are considered. The originality and variety of samples of the animal epic are noted. Among the zoomorphic characters, the Hare, Wolverine and a large number of fish stand out noticeably. Moreover, the Hare in its characteristics is comparable to the image of a cunning Fox and even pushed it into the background. Special attention is paid to fairy tales about fools as a phenomenon of folk laughing culture. It is noted that satirical orientation is also characteristic of the original atypical persons who do not have a zoo- or anthropomorphic nature. The author notes the ethnic specifics of tales

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

of late origin about oppressed family and clan members. The analysis of plots, motifs and images revealed the viability of the basic part of aboriginal folklore. Along with the original texts, evidence of foreign cultural influence, primarily from the Tungus-Manchu peoples, was considered. Some plots have direct parallels in the oral work of Nanai, Ulchi, Orochi, Udege. This area of cultural contacts is presented in such detail for the first time. It is noted that the behavior of the actors and their assessment by the narrator were determined by the peculiarities of the artistic thinking of the Yukaghirs, which made adjustments to the perception of the borrowed content.

Keywords: Northern Pacifica, the Yukaghirs, fairy-tale folklore, the main plots and images, foreign cultural influence.

В прошлом юкагиры занимали обширную территорию, включающую север современной Якутии, а также северо-запад Магаданской области, и представляли довольно значительное для индигенных народов сообщество. В состав юкагигов входило несколько племенных групп, заметно различавшихся в культурном отношении. В настоящее время эти различия представлены в культуре верхнеколымских (лесных) и нижнеколымских (тундренных) юкагигов. Относительная однородность населения Северной Евразии периодически нарушалась как внутренними миграциями, так и прибытием новых потоков южного происхождения — из Приамурья, Прибайкалья, Забайкалья. Активизация движения тунгусов с юга вызвала заметное «отунгушивание» юкагигов [1, с. 9—13]. Однако при этом происходило и обратное воздействие, не случайно В.И. Иохельсон писал о «юкагиризированных тунгусах» [11].

Ко времени прихода русских контактным этносом для юкагирских племён на западе были нганасаны, на востоке — чукчи и коряки, на юге — тюркоязычные и тунгусоязычные народы [3, с. 85]. Последняя позиция заслуживает специального внимания, поскольку в юкагирской культуре (в том числе в фольклоре) наличествует не только северный (эвенки и эвены), но и южный тунгусский след. В связи с этим главной целью данного исследования является характеристика особенностей юкагирских сказок в сравнении с повествовательным фольклором тунгусоязычных народов. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи: 1) из общего массива сказок отобрать наиболее показательные тексты; 2) определить этниче-

скую специфику юкагирского сказочного эпоса; 3) выявить в сказочном материале юкагигов свидетельства влияния со стороны тунгусоязычного фольклора.

Следует отметить, что за последние десятилетия значительно расширилась источниковая база исследований юкагирского фольклора. В научный оборот введены новые полевые материалы [21; 22], которые можно сопоставить с записями В.И. Иохельсона, относящимися к рубежу XIX—XX вв. [10]. Серьёзные публикации посвящены языку и фольклорной культуре юкагигов [4—8; 14—17; 21; 2], в том числе их этнокультурным контактам на разных исторических этапах. Ранее больше внимания уделялось взаимодействию с палеоазиатскими и угро-самодийскими этносами, а также заимствованиям из якутской и русской культуры, но в последнее время появились интересные исследования, посвящённые южным контактам юкагигов, в частности работы Л.Н. Жуковой о возможном китайском влиянии на ряд мифопоэтических текстов лесных юкагигов [4—8]. В своё время о китайских заимствованиях писали В.И. Иохельсон и Тэки Одулок. Посредником в передаче южных традиций считались эвены, получившие их, в свою очередь, через преломление в культуре маньчжуров, нанайцев, удэгейцев и нивхов [8, с. 81—82]. В.А. Петрова выявила в юкагирской сказке «Сэмтэнэй-старик» эпизоды, имеющие прямые параллели в фольклоре не только собственно сибирских народов (долган, якутов), но и тунгусо-маньчжуров — эвенов, нанайцев, орочей [14, с. 134—141]. Таким образом, проблема южных контактов юкагирского этноса получила дополнительную актуализацию.

Устное творчество юкагиров представлено повествовательными жанрами, обрядовой поэзией, песнями, загадками, пословицами и поговорками. Произведения, где главным действующим лицом является Эдилвей, могут быть отнесены к героическому эпосу [21, с. 126—191]. Повествовательный фольклор принято подразделять на две большие группы, разграничивающиеся по признаку достоверности / недостоверности, с точки зрения рассказчика (что не должно расцениваться буквально как реалистичность и вымысел). Подобная классификация принимается исследователями относительно фольклорной прозы в целом, в том числе — дальневосточных этносов, до недавнего времени живших в условиях так называемого традиционного общества [19]. Такой подход позволяет сопоставить устно-поэтические традиции разных народов, вычленив в них общее и особенное. Произведения, которые условно можно соотнести со сказками европейских народов, тундренные юкагиры называют *караваал* [21, с. 27], а лесные — *чульдьи* [22, с. 12].

Исследователи справедливо отмечают противоречивость номинирования юкагирских сказочных нарративов [17, с. 25—31]. Порой ситуации, характерные для сказочного фольклора, сопровождаются комментарием: *Это не сказка. Это правда было* [17, с. 26]. Однако заслуживает внимания тот факт, что часть текстов имеет концовку, которая подчёркивает вымышленный характер ситуации, представленной в нарративе. Чаще всего замечание указывает на вневременной характер действия: *не старея, до сих пор живут* [21, с. 305]; *до сих пор ещё живут* [22, с. 67]. Примечательно, что подобные концовки находим и в текстах В.И. Иохельсона. В финале одной из сказок герой приводит жену в свой дом: *Дом его ещё стоит*, — заметил рассказчик [10, с. 26].

В повествовательном фольклоре весьма важное место занимает животный эпос. Обращает на себя внимание разнообразие действующих лиц, представляющих фауну среды обитания юкагиров: лиса, медведь, волк, росомаха, рысь, заяц. Лисица, как у большинства народов мира, чаще всего описывается как хитрое, коварное, нередко безжалостное

существо. У всех групп юкагиров бытует сказка о том, как Лиса расправилась с Медведем. У нижнеколымских юкагиров в этой роли выступает Песец. В сказке говорится о том, что Медведь боялся куропаток, когда они неожиданно вылетали из-под ног, а Песец их ел, но он боялся «кочкоголовых» обитателей Среднего мира (т.е. людей). Песец сказал Медведю, что будет собирать головы куропаток, а Медведь — человечьи головы. В результате человек подстрелил Медведя. Песец взял его лечить: приложил к ране раскалённый камень, зверь и умер. Песец его съел [20, с. 241]. Однако у верхнеколымских юкагиров встречаются сюжеты, где лиса и человек находят полное взаимопонимание. Так, в одной из сказок бедный охотник поделился едой с голодной лисицей. Благодарное животное устроило его судьбу, женив на царской дочери и поселив в богатом доме [21, с. 57—59].

Большинство нарративов утверждает превосходство человека над дикими животными. Причём действующими лицами оказываются разные звери. Например, Росомаха (один из наиболее популярных персонажей) пыталась выяснить, кто в этом мире самый сильный. Она спросила лёд замёрзшего озера. Оказалось, он тает от Солнца. Спросила у Солнца — его закрывает туча, но тучу прогоняет ветер, который затихает в лесу, однако лес гибнет под топором человека. Человек признал, что он самый сильный, и забил Росомаху до смерти [21, с. 243].

Особое место среди действующих лиц юкагирского фольклора принадлежит зайцу. Данная позиция выделяет юкагирские тексты среди сказок о животных, распространённых у других сибирских этносов. На своеобразие этого персонажа указывает его необычное положение в человеческом сообществе. Нередко в зачине сообщается, что старик и старуха *одного Зайчика имели ребёнком* [22, с. 51]. Однако в голодный год они решили его съесть. Испугавшись, «сын» убежал, а старик отправился на его поиски. Оказалось, что Заяц находится в пологе дочерей Лисы. Старик наполнил штаны гнилушками и пришёл к лисам. Гостя заставили танцевать. Во время танца гнилушки посыпались, Заяц рассмеялся, старик его забрал, принёс домой, и они с женой «сынка»

съели [22, с. 53]. Комментаторы отмечают, что эпизод с танцем, позволяющий герою опознать «обидчика», встречается и в других юкагирских сказках [22, с. 139].

Вместе с тем сравнение с тунгусо-маньчжурским фольклором указывает на южные истоки этого эпизода. Наиболее органично он вписан в нанайский сюжет о лисе-обманщице. Лисица спряталась у своих родичей, после того как съела запас еды охотника, который позволил ей ехать на нарте. В пустой посуде остался её зуб. Обманутый охотник пошёл по лисьему следу. По дороге он убил белку, енота, хоря, зайца и засунул тушки в штаны. В доме, где пряталась Лиса, гости попросили исполнить танец. Герой взял бубен и стал плясать: *Бум-бум — гудит бубен, шмыг-шмыг — вылетают звери из его штанин* [12, с. 79]. Человек рассмешил животных и узнал обидчицу по отсутствию зуба. В.А. Аврориным и Е.П. Лебедевой была записана ороцкая версия этого текста [13, с. 130].

В нижнеколымской версии зверем, обманувшим старика, назван песец. Предложив помочь тянуть нарту, он съел все запасы жира, оставив на дне пустой посуды выпавший зуб. Однако поиск обидчика рассказчик увязал с другим сюжетом, также популярным у тунгусоязычных народов. Старик *Сэмтэнэй* сделал вид, что поранился стрелой, и стал звать на помощь. Прибравшие песцы, лисы и зайцы отнесли его в дом. Старик велел жене закрыть вход и перебил животных деревянной колотушкой. Хитрый Песец притворился мёртвым и, как только старуха открыла чум, убежал [21, с. 251—253].

Оригинальный сюжет о престарелой чете, разбогатевшей с помощью хитрости, известен всем тунгусо-маньчжурам. Именно его следует считать базовым. Герой ороцкой сказки притворился беспомощным, звери отнесли его домой, а там он и жена перебили большую часть животных. После чего старики разбогатели. Некоторым зверям удалось спастись через дымоход, но их шерсть получила отметины, которые видны до сих пор: медведь стал бурым, у лисы и рыси почернели лапы и уши, у хорька — нос, у горностая — хвост, а соболь стал совсем чёрным [13, с. 213].

В юкагирских текстах благосостояние охотника не увязывается с промыс-

лом пушнины, что характерно для тунгусоязычного фольклора. По мнению юкагиров, благополучие обеспечивается возможностью иметь достаточный запас еды, прежде всего мяса копытных животных — традиционного объекта охоты. В сюжете о хитром Зайце герой, убивший Волчонка, обманом заманил в свой травяной дом зверей, которые пришли на помощь матери-Волчице, — волка, медведя, лося, оленя. Он запер дверь и поджёг дом. Все звери сгорели. Заяц отнёс их туши в амбар, этого мяса ему с матерью хватило надолго [10, с. 12—13].

В.И. Иохельсон полагал, что большинство записанных им текстов нельзя считать собственно юкагирскими: они либо относятся к общему наследию северо-восточного фольклора, либо испытали сильное влияние соседних этносов. Автор отметил, что заимствования лишены «полёта и фантазии оригиналов», но одновременно подчеркнул самостоятельный характер сказок о зайцах [10, с. IV]. Некоторые исследователи, в частности Л.Н. Жукова, не без оснований видят возможные корни этого образа в мифологии Китая [4, с. 81—82].

Мифологические истоки животного эпоса обычно получают отражение в этимологических концовках, но в юкагирских сказках таких финалов сравнительно немного. Однако в общую картину этимологических заключений удачно вписывается многосоставная сказка «Свадьба птиц». Множество гостей собралось на свадьбу Совы и дочери Маленького гуся. Готовясь к празднику, птицы друг друга раскрашивали. Ворона обратилась за помощью к Гагаре, но та сначала раскрасила Утку-поганку и лишь потом принялась за Ворону, накрасив её как попало чёрной и белой краской. Обиженная Ворона намазала себя чёрной краской, а Гагару с Поганкой побила, переломав им поясничные кости [22, с. 27—29].

Этимологический финал, объясняющий происхождение внешних признаков животного, имеет и сказка «Как Глухарь, Каталка и Щука друг с другом воевали» [22, с. 31, 33, 132]. Конфликт Щуки и Каталки останавливает Окунь, считавшийся «начальником» всех рыб. Этот персонаж наделён певческим талантом, который он использует, отправившись к Морскому

царю, чтобы вызволить попавших в беду сородичей [16, с. 3439]. По-видимому, сказка возникла под влиянием русского сюжета о Садко. Особенно много «рыбьих сюжетов» отмечено в фольклоре верхне-колымских юкагиров, в жизни которых рыболовство имело огромное хозяйственное значение [16, с. 3438].

Как правило, архаические сказки о животных не являются многосоставными, но наблюдения показывают, что юкагиры любят контаминацию разных текстов, причём далеко не всегда логически обоснованную. Например, вариант русской сказки «Волк и Лиса» («Битый небитого везёт») рассказчик объединил с юкагирским текстом о Рыси-тёще. Съев рыбу у человека, Лиса, вернее — Лис, пришёл к Рыси и получил в жёны одну из её дочерей. Однако зять не желал ничего делать, и его пришлось прогнать. Вторую дочь Рысь отдала Росомахе. Задрал на охоте оленя, тёща велела разделить добычу, но Росомаха съел всё мясо сам. Рысь прогнала и этого зятя [22, с. 63]. Любопытно, что комментаторы не установили источник второго сюжета [22, с. 142], который выглядит автохтонным и органично вписывается в образную систему животного эпоса юкагиров.

Среди действующих лиц повествовательного фольклора лесных юкагиров выделяются так называемые *Сказочные старики* — огромные чудовища-людоеды. В записях В.И. Йохельсона они встречаются в текстах № 3, 4, 9, 14, 15, 19, 20 [10, с. IV]. Сказочные старики враждебны людям, но чаще всего человек с помощью хитрости одерживает над ними верх. Справедливым можно считать мнение, что данный персонаж связан с мифологическим образом Хозяина промысловых угодий. По описаниям, это высокий, как лиственница, чёрный человек, живущий в лесу. Он заботится о благополучии и численности таёжных животных, следит за их распределением по охотничьим угодьям, наказывает нарушителей промысловой этики [21, с. 496]. В такой функции он чаще представлен в несказочной прозе.

У верхнеколымских юкагиров ту же функцию выполняет персонаж, именуемый Хозяином Земли [22, с. 143]. Понравившийся ему охотник мог получить полную нарту пушнина. Однако рассказывать

о таких встречах не следовало. Герой, попросивший помощи *большого бородатого старика*, выполнил это условие. С тех пор в его родных местах развелось много животных. Парень стал лучшим охотником, женился, завёл детей: *так и живут с хорошей душой* [22, с. 75]. Персонаж другой сказки разбогател, привезя Хозяину тайги бочку спирта. О гигантских размерах Хозяина косвенным образом можно судить по тому, что он опустошил бочку спиртного, наполнив три своих кружки [22, с. 15]. Уничтожение Сказочных стариков — распространённая концовка текстов, связанных с этими действующими лицами. Усиление негативных оценок, видимо, обусловлено трансформацией архаических представлений и слиянием образов, имеющих сходство внешних признаков при разных характеристиках.

В мифологии тунгусо-маньчжуров типологически близкие черты находим в образе «хозяина» лесной фауны *Калгама*: это огромное антропоморфное существо, обитавшее на поросших лесом возвышенностях и питавшееся смолой хвойных деревьев. В его гениталиях находились шерсть и когти диких животных. Этот персонаж описывается как похититель женщин и детей, но не как людоед [2, с. 264—266]. Таким образом, фольклорные версии о Хозяине тайги и промысловых угодий отражают этнокультурную специфику разных народов Сибири и Дальнего Востока.

К типично сказочным мотивам, имеющим мифологические истоки, относится брак с покровителем, наделённым сверхъестественными свойствами и первоначально имевшим животный облик. В сказке, записанной В.И. Йохельсоном, таким покровителем является собака, защищавшая девушку от преследований Сказочного старика. Расправившись с людоедом, собака перескочила через поваленное дерево и стала человеком. Героиня вышла за него замуж [10, с. 22—23]. Наличие такого чудесного помощника не вызывает удивления, поскольку юкагиры изначально были пешими охотниками с собакой.

К собственно сказкам относятся тексты позднего происхождения, в которых нашли отражение семейные и общественные противоречия. В них представлены ситуации, свидетельствующие об ослаблении

действия родовых установок, которые в прошлом имели силу неписаного закона. Это сказки о горьком сиротстве, о жестоком обращении с бедными родственниками и т.д. Развитие сюжета нередко связано с возникновением внутрисемейного конфликта. Так, муж заподозрил жену в неверности и стремился известить старшего сына, морил его голодом. Данный мотив не имеет прямых пояснений в тексте, однако на него, по-видимому, указывает имя мальчика — *Ламадо* («Собачье дитя»). Второго сына отец полюбил, но мать жалела старшего и тайком его подкармливала. *Ламадо* вырос хорошим охотником и стал кормильцем семьи, наконец, женился, но отец и брат по-прежнему желали ему смерти. Отец поручал старшему сыну трудные и опасные задания: сначала добыть медведя, затем волка. *Ламадо* выполнил эти поручения, используя магический аркан из конского волоса, который дала ему жена. Потом отец потребовал привести чёрта, но сын отказался. *Ламадо* сделал отца водоносом, брата дровосеком, а о матери продолжал заботиться, так как она его спасла. *Потом стал богачом, заимел детей* [21, с. 275—278].

В оценке юкагигов сказочный характер получили мифологические нарративы, связанные с осуждением инцестуального брака. В традиционном обществе кровосмесительные связи подвергались строгому запрету, однако архаическим сознанием инцест брата и сестры, первой пары пралюдей, рассматривался как естественный акт воспроизводства себе подобных. Впоследствии недопустимость такого союза была закреплена в брачных нормах и нашла отражение в фольклорных текстах, осуждающих инцест. В поздних версиях героини-первопредки должны были понести наказание за совершённый грех. Вина за содеянное, как правило, возлагалась на женщину. В юкагирской сказке сестра, чтобы не быть узнанной, изменила свою внешность и стала женой брата. Их подростки дети охотились на птичек. Обиженные птички выдали тайну их происхождения. Узнав об этом, отец убил обманувшую его сестру и закололся сам [21, с. 504].

Аналогичная сюжетная ситуация встречается в тунгусо-маньчжурском фольклоре. Так, героями удэгейского мифа-

ниманку являются *Егдига* и его безымянная сестра. Других людей на земле в то время не было. Сестра изменила облик и стала женой брата. У них родились сын и дочь. Однажды мальчик ранил птицу *Куа*. Обиженная птица рассказала, что он родился от союза брата и сестры. Когда об этом узнал *Егдига*, он расправился с женой, а сына и дочь увёл в лес. Сам поднялся на высокий обрыв и бросился в бурную реку [20, с. 448—450]. В ульчском мифологическом предании-*тэлунгу* также говорится об инцесте брата и сестры — первой пары людей. Их выросших детей покинула промысловая удача. О причинах случившегося они узнали от животных, насмехавшихся над охотниками. Грешникам пришлось покинуть земной мир [9, с. 167—171].

Несомненное сюжетное сходство свидетельствует о связи рассмотренных текстов, но не вызывает сомнений первичный характер тунгусо-маньчжурских вариантов, представляющих собой развёрнутое повествование, опирающееся на стройную систему мифологических воззрений. В этом отношении юкагирский нарратив является более схематичным, сохраняющим лишь общую сюжетную канву.

Сатирические сказки о глупцах известны всем народам мира, однако типологическая близость не лишает их этнической специфики. В юкагирском фольклоре примером может служить сюжет о трёх братьях, имена которых *Лопчо*, *Лошия* и *Гин*. Выйдя вечером из дома, братья увидели звёзды и решили, что их окружили коряки. Они бросились к реке и стали усиленно грести. На рассвете вышли на берег, увидели дом и расправились с его обитателями. Оказалось, братья приплыли к собственному жилищу и убили своих жён и детей. В конце концов, братья поссорились и поубивали друг друга [22, с. 69]. О популярности сказки свидетельствует тот факт, что она бытовала не только во второй половине XX столетия, но и на рубеже XIX—XX вв. [10, с. 31—33].

Особое место принадлежит сказкам, героями которых являются растения, отдельные части человеческого тела и даже неодушевлённые предметы, представленные как амбивалентные существа,

которые живут и действуют подобно людям. Своеобразие облика таких героев обычно засвидетельствовано их именами: Лист-грудь, Пузырь-голова, Волосяное горло, Травяная нога [22, с. 91]. В подобных текстах речь идёт об эффективности коллективных действий, но при этом каждый член коллектива должен обладать определёнными трудовыми навыками. Существа, не приспособленные к жизни, не только подвергаются осмеянию, но даже подлежат уничтожению. Исследователи справедливо отметили их близость действующим лицам русской сказки «Пузырь, Соломинка и Лапоть» [22, с. 153]. Надо сказать, что подобные герои встречаются в мировом фольклоре, в том числе у тунгусо-маньчжуров. Например, в нанайской сказке действующими лицами, которых ждал печальный конец, являются Большие глаза, Длинные ноги, Печень, а также Яйцо и Трава [18, с. 127]. Однако среди юкагирских сказок подобных сюжетов значительно больше.

Таким образом, исследование показало, что в целом сказочный фольклор юкагиров отличается оригинальностью и разнообразием. Обращает на себя внимание обилие зооморфных образов, среди которых выделяются заяц и россомаха, а также большое число рыб. Несомненным своеобразием отличаются сказки о глуп-

цах и тексты с участием нетипичных персонажей, не имеющих зоо- или антропоморфной природы. Сказочные сюжеты о зависимых, а потому притесняемых членах семьи и рода также несут печать этнокультурной специфики. Несмотря на наличие явных заимствований из фольклора соседних этносов, юкагирские тексты узнаваемы в общем культурном пространстве Северной Пацифики. В данной работе впервые столь подробно представлены юкагирские и тунгусо-маньчжурские параллели (в частности, нанайские, ульчские, орокские, удэгейские). Возможно, заимствования служили компенсацией за утрату мигрантами архаических черт автохтонной культуры [23]. При этом иноэтнические сюжеты и мотивы перерабатывались в соответствии с художественным мышлением принимающей стороны. Применительно к сказкам не последнюю роль играла динамичность сюжетного действия и занимательность повествования, что проявилось в общей тенденции к контаминации разнородных текстов, отмеченной как у верхнеколымских, так и у нижнеколымских юкагиров. Не исключено, что на северо-востоке Евразии произошла вторичная консолидация юкагирских групп разного происхождения, несмотря на существовавшие различия в языке, хозяйственной деятельности и духовной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова В.С., Немировский А.А., Шадрин В.И. Этническая история юкагиров (с древнейших времён до XX в.). М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. Ч. 1. 144 с.
2. Березницкий С.В. Этнокультурные компоненты верований и ритуалов коренных народов Амура-Сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.
3. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Якутск: Бичик, 2013. 232 с.
4. Жукова Л.Н. Следы древнекитайского влияния в традиционной культуре лесных юкагиров Верхней Колымы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 3. С. 78—92.
5. Жукова Л.Н. Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 2. С. 108—111.
6. Жукова Л.Н. Юкагирский миф о погоне за восьминогим лосем и его китайские параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 3. С. 121—128.
7. Жукова Л.Н. Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. Ч. 2. С. 72—76.
8. Жукова Л.Н. Юкагиры — наследники циркумполярной культуры Северной Евразии // Илин. 2003. № 1. С. 80—88.
9. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1939. 205 с.

10. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Изд-во Императорской Академии Наук, 1900. Ч. 1. 272 с.
11. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 674 с.
12. Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу / сост. Н.Б. Киле. Новосибирск: Наука, 1996. 478 с.
13. Ороцкие сказки и мифы / сост. В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева. Новосибирск: Наука, 1966. 235 с.
14. Петрова В.А. Юкагирская сказка «Сэмтэнэй-Пэлдуиди» и её сюжетные аналоги // Современное юкагироведение в контексте арктических исследований: Материалы всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 85-летию известного юкагирского учёного, поэта, общественного деятеля Гаврила Николаевича Курилова-Улуро Адо (Якутск, 27—28 апреля 2023 г.). Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2023. С. 134—141.
15. Прокопьева П.Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
16. Прокопьева П.Е. Представления о рыбах в традиционной культуре лесных юкагигов (по материалам языка, этнографии и фольклора) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 11. С. 3435—3440.
17. Прокопьева П.Е. Фольклор лесных юкагигов в конце XX — начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 25—31.
18. Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. 212 с.
19. Фетисова Л.Е. Повествовательный фольклор коренных народов Амуро-Сахалинского региона: своеобразие и взаимодействие традиций. Владивосток: Дальнаука, 2018. 204 с.
20. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / сост. М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, М.М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с.
21. Фольклор юкагигов / сост. Г.Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
22. Фольклор юкагигов Верхней Колымы. Хрестоматия: в 2 ч. Ч. I: Сказки. Якутск: Изд-во Якутского госуниверситета, 1989. 160 с.
23. Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

REFERENCES

1. Akimova V.S., Nemirovskiy A.A., Shadrin V.I. *Etnicheskaya istoriya yukagirov (s drevneyshikh vremen do XX v.)* [Ethnic History of the Yukaghirs (from Ancient Times to the 20th Century)]. Moscow; Berlin, Direktmedia Publishing Publ., 2021, part 1, 144 p. (In Russ.)
2. Berezniitskiy S.V. *Etnokul'turnye komponenty verovaniy i ritualov korenykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona* [Ethno-cultural Components of Beliefs and Rituals of the Native Peoples of the Amur-Sakhalin Region]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 486 p. (In Russ.)
3. Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Study of Yukaghir Culture]. In 3 parts. Yakutsk, Bichik Publ., 2013, 232 p. (In Russ.)
4. Zhukova L.N. Sledy drevnekitayskogo vliyaniya v traditsionnoy kul'ture yukagirov Verkhney Kolymy [Traces of Ancient Chinese Influence in the Traditional Culture of the Yukaghirs of the Upper Kolyma]. *Rossiya v global'nom mire*, 2023, vol. 26, iss. 3, pp. 78—92. (In Russ.)
5. Zhukova L.N. Yukagirskiy i drevnekitayskiye mify o pereustroytve mira [Yukaghir and Ancient Chinese Myths about the Transformation of the World]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2016, no. 2, pp. 108—111. (In Russ.)
6. Zhukova L.N. Yukagirskiy mif o pogone za vos'minogim losem i ego kitaiskiye paralleli [Yukaghir Myth about the Pursuit of an Eight-legged Elk and Its Chinese Parallels]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*, 2016, no. 3, pp. 121—128. (In Russ.)

7. Zhukova L.N. Yukagirsko-kitaiskiye fol'klornye paralleli [Yukaghir-Chinese Folklore Parallels]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7, part 2, pp. 72—76. (In Russ.)
8. Zhukova L.N. Yukagiry — nasledniki tsirkumpolyarnoy kul'tury Severnoy Evrazii [Yukaghirs are the Heirs of the Circumpolar Culture of Northern Eurasia]. *Ilin*, 2003, no. 1, pp. 80—88. (In Russ.)
9. Zolotarev A.M. *Rodovoy stroy i religiya ul'chey* [Tribal System and Religion of the Ulchi]. Khabarovsk, Khabarovskoe kn. izd-vo Publ., 1939, 205 p. (In Russ.)
10. Iokhel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials of the Study of the Yukaghir Language and Folklore Collected in the Kolyma District]. Saint Petersburg, Izd-vo Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1900, part 1, 272 p. (In Russ., in Yukaghir)
11. Iokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannyye tungusy* [Yukaghirs and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 674 p. (In Russ.)
12. *Nanayskiy fol'klor: ningman, siokhor, telungu* [Nanai Folklore: Ningman, Siokhor, Telungu]. Comp. by N.B. Kile. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996, 478 p. (In Russ., in Nanai)
13. *Orochskiye skazki i mify* [Oroch Tales and Myths]. Comp. by V.A. Avrorin, E.P. Lebedeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1966, 235 p. (In Russ., in Oroch)
14. Petrova V.A. Yukagirskaya skazka “Semteney-Pelduidi” i ee syuzhetnye analogi [The Yukaghir Fairy Tale “Samtenay-Palduidi” and Its Plot Analogues]. *Sovremennoye yukagirovedeniye v kontekste arkticheskikh issledovaniy: Materialy vseros. nauch.-praktich. konf., posvyashch. 85-letiyu izvestnogo yukagirskogo uchenogo, poeta, obshchestvennogo deyatelya Gavrila Nikolayevicha Kurilova-Uluro Ado (Yakutsk, 27—28 aprelya 2023 g.)* [Contemporary Yukaghir Studies in the Context of Arctic Research: Proceedings of the All-Russian Applied Science Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Famous Yukaghir Scientist, Poet, Public Figure Gavril Nikolaevich Kurilov-Uluro Ado (Yakutsk, 27—28 April 2023)]. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN Publ., 2023, pp. 134—141. (In Russ.)
15. Prokop'eva P.E. *Otrazheniye mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klоре* [Reflection of Mythological Thinking in Yukaghir Folklore]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009, 143 p. (In Russ.)
16. Prokop'eva P.E. *Predstavleniya o rybakh v traditsionnoy kul'ture lesnykh yukagirov (po materialam yazyka, etnografii i fol'klora)* [The Ideas about Fish in the Folklore of the Forest Yukaghirs (Based on Materials of Language, Ethnography and Folklore)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022, vol. 15, iss. 11, pp. 3435—3440. (In Russ.)
17. Prokop'eva P.E. *Fol'klор lesnykh yukagirov v kontse XX — nachale XXI veka* [Folklore of the Forest Yukaghirs in the Late 20th — Early 21st Centuries]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2011, no. 3, pp. 25—31. (In Russ.)
18. Sem L.I. *Ocherki dialektov nanayskogo yazyka: bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt* [Studies of Dialects of Nanai Language: Bikin (Ussuri) Dialect]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 212 p. (In Russ.)
19. Fetisova L.E. *Povestvovatel'nyy fol'klор korennykh narodov Amuro-Sakhalinskogo regiona: svoeobrazkiye i vzaimodeystviye traditsiy* [Narrative Folklore of the Indigenous Peoples of the Amur-Sakhalin Region: The Uniqueness and Interaction of Traditions]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2018, 204 p. (In Russ.)
20. *Fol'klор udegeytcев: nimanku, telungu, ekhe* [Udehe Folklore: Nimanku, Telungu, Ehe]. Comp. by M.D. Simonov, V.T. Kyalundzyuga, M.M. Khasanova. Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, 561 p. (In Russ., in Udeg.)
21. *Fol'klор Yukagirov* [Yukaghirs Folklore]. Comp. by G.N. Kurilov. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 594 p. (In Russ., in Yukaghir)
22. *Fol'klор yukagirov Verkhney Kolymy. Khrestomatiya: v 2 ch. Ch. I: Skazki* [Yukaghirs Folklore of Upper Kolyma. Reading Book: in 2 parts. Part I: Fairy Tales]. Yakutsk, Izd-vo Yakutskogo gosuniversiteta Publ., 1989, 160 p. (In Russ., in Yukaghir)
23. *Yukagiry: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Yukaghirs: Historical and Ethnographic Studies]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 244 p. (In Russ.)